

О ТАТЬЯНЕ БАБУШКИНОЙ, ЕЁ ИДЕЯХ, клубе и о летних художественных дачах

Андрей Сергеевич Русаков,

директор издательства «Образовательные проекты», г. Санкт-Петербург,
e-mail: rusakovandrey5@gmail.com

Виолетта Юрьевна Хрящева,

учитель истории, вальдорфский педагог, педагог клуба «Новые возможности»
для детей с ограниченными возможностями здоровья, г. Ростов-на-Дону

Тимофей Александрович Сырый,

педагог, поэт, актёр, организатор летних художественных дач, г. Ростов-на-Дону

**Театрализации, уроки фантазии и праздники под руководством Т.В. Бабушкиной
как неотъемлемая часть летних художественных дач. Создание условий для любого
самопроявления ребёнка.**

- летняя художественная дача • личностная ответственность педагога
- смысл деятельности

*Здесь собрались Татьяна Викторовна
Бабушкина со своими учениками,
продолжающими любить и помнить её...*

В тёплой атмосфере своих клубов
и в холодных чужих аудиториях,
в семейном кругу, в стенах дет-
ских садов, в непредсказуемых

ребячьих дворовых компаниях, на семинарах учёных-исследователей, в вечных педагогических путешествиях, в 25 легендарных художественных дачах в Танаисе, Прелестном, Боровске, Мезмае, Сергиевом Посаде, Екатеринбурге, в непрестанном общении с детьми, в столь же непрестанном, «летучем», легкомысленном и глубоком «воспитании воспитателей» обкатывались удивительные черты педагогики Татьяны Викторовны Бабушкиной.

«Взрослый, душевно живущий рядом с Ребёнком, обладает даром вернувшегося времени. Он как бы возвращается сквозь время назад и имеет счастливую (подчас трудную) возможность снова пережить или дополнить его... Человек, думающий о судьбах Детства, может прокладывать своё собственное время через всеобщие уроки и уравнивающие обстоятельства; он умудряется сохранять личностно-значимое, то, что особенно ценит, — и может пытаться привнести свои ценности в современную

ситуацию, чуть меняя её к лучшему», — так Татьяна Викторовна убеждала своих реальных и заочных собеседников, что привычка жить в контакте с детьми и детством жизненно важна не только для маленьких, но и для самих взрослых.

Несколько десятилетий (до своего ухода в 2008-м) она была одним из главных педагогических героев нашей страны и самой яркой педагогической звездой Ростова-на-Дону. История её многопоколенного клуба «Эстетика — творчество — общение» отразилась в книгах Евгения Богата и Леонида Жуховицкого, в многократно переиздававшейся книге Татьяны Викторовны «Что хранится в карманах детства» и (что служит темой нашей публикации) созданном ею жанре летних художественных дач, который продолжают ныне её ученики.

Валерий Чеснок, в 1990-е и 2000-е гг. директор музея-заповедника «Танаис», где многократно проходили летние художественные дачи клуба «ЭТО», вспоминает: «Татьяна Викторовна жила в условиях, казалось бы, исключавших всякий оптимизм: старенькая квартирка, вечное безденежье, равнодушие академической среды. Но все видели в ней счастливого человека, полного замыслов и планов, на первый взгляд недостижимых.

Её педагогика основывалась на обыденном: дом, очаг, колесо, кукла, клубок ниток... Надо просто суметь увидеть обычный предмет в необычном измерении, сделать его героем события. Её массовые праздники и лагеря у нас в заповеднике «Танаис» так и назывались: «Шляпо-лето», «Облака», «Башмачок». Соответственно, главными символами театральной и повседневной жизни в лагере были то её величество Шляпа со всей аристократической родословной, то огромные Облака из разноцветных шаров и полиэтиленовых кульков, то всевозможная Обувь, включая археологическую из раскопок.

Запомнились её слова: «Вы, историки, военизировали прошлое до отрицания человека. А педагогика демилитаризирует пространство истории, возвращает вещам их истинную метафоричную суть». Я спорил, приводил примеры, когда педагогика облачалась в военный мундир, а она говорила, что эти ветви никогда не давали плодов, отмирали.

Как-то спросила: «Когда родилась улыбка?» Я зарылся в книги, потом позвонил ей. «Да? И я была уверена: улыбка очень древняя, от слова «любить» происходит. Это тема для урока. Просьба: подбери археологические иллюстрации!»

Она отождествляла педагогику с праздником, точнее, возвращала праздник в процесс воспитания и обучения. Вот и привела музу педагогики в «Танаис», в респектабельное музейное учреждение не как гостью, а как хозяйку. Она легко открывала в трудно поддающемся изменению музейном пространстве педагогические материи.

В её книжке есть слова: «Детство — это не время, не период, а состояние». Мне кажется, и педагогику она воспринимала как особое состояние, всеобъемлющее и всесильное. И это в её педагогике было главным: ощущение жизни как чуда, чуда каждодневного открытия».

Татьяна Бабушкина о выращивании смыслов, или что хранится в карманах детства

То, чем я занимаюсь, — это попытка уследить за тем, чтобы среди постоянно нарастающих образовательных функций сохранилась по отношению к детям живая атмосфера человеческих отношений.

Я зашла в ваш двор и ахнула: не от архитектуры, а от состояния зелени, живой, пышной. Зелень словно говорит о том, что и атмосфера здесь живая.

Всё, о чём я хочу рассказать, связано с тем, что нужно как-то сохранить органику совместной жизни детей со взрослыми.

Я думаю, что хороший современный писатель работает как переводчик смыслов. Я себя чувствую переводчиком со взрослого на детский, я всё время ищу, как представить какие-то вещи, чтобы они стали понятны.

Мне кажется, что сейчас особенно важно понять то, чем детство значимо для взрослых.

Для себя я назвала этот семинар «Выращиванием смыслов». Мы недавно провели такие семинары для всех домов ребёнка Ростовской области. И когда мы позанимались, люди поймали себя на том, что стали меньше уставать от своей работы.

Почему? Потому что, оказывается, «я» современного воспитателя настолько же не замечено социально, настолько же не признаётся, как и само детство.

Личность воспитателя тонет в общем оценочном равнодушии. Человек, который совершает одну из самых удивительных вещей в данное время, не может понять, где он находится. Он не совсем может понять, в чём его роль и каков смысл, и откуда черпать силы. А это самый удивительный клад нашей страны, клад человечества — те люди, множество женщин, которые взяли на себя ответственность не оставить огромную детскую часть страны.

Переключение для взлёта

Кто помогает точнее посмотреть и откликнуться на то, что занимает нас с вами?

Многие, оставшиеся в детских домах. Кое-кто в школах. Очень значительная часть педагогов авторских школ, которым сейчас трудно.

Со схожими проблемами вдруг столкнулись педагоги самых богатых частных школ, особенно в столице. Это очень узкая часть мира детства, но очень показательная: «элитарные» дети, которыми родители не занимаются, зато гарантируют всевозможную материальную обеспеченность. Элитные дети приобретают такую же маргинальность, и у них в особенно острых формах развиваются те же проблемы, что у детей из детских домов.

Потому что здесь скрыта первая особенность «я» педагога, которую он на себе осознанно

или неосознанно несёт. Очень важно обратить на неё внимание, хорошо бы ещё как-то дома потихоньку рассказать об этом своим близким.

Получается, что современный педагог, словно прекрасная балерина, оказывается на постоянном шпагате между той ролью, которую он должен выполнять, и тем знанием о жизни, которое у него есть.

Невозможно не слышать о том, что творится с детьми; педагог постоянно испытывает на себе это фоновое звучание. Невозможно не помнить о бедности и т.п.

Но воспитатель не может идти к ребёнку в таком состоянии.

Он должен отключиться от своих «гашеный света», от проблем какой-то очередной предоплаты, он должен выключиться из своих сложностей — и прийти к ребёнку в живом, светлом состоянии.

Мы не привыкли об этом даже думать, не то что говорить. А ведь это самый важный, колоссальный труд. Именно в силу сложности такого усилия, на мой взгляд, современная система образования и воспитания и начинает идти только через образовательный материал.

Почему? Потому что образовательный материал менее эмоционален, он вроде бы не требует особой атмосферы; чтобы идти на образовательный контакт с ребёнком, кажется, что не нужно делать эмоциональный взлёт.

А вот для того, чтобы подойти и увидеть, какой сегодня интересный день, как-то по-человечески сказать ребёнку о его необычности и о прочем, совместно с ребёнком ощутить радость от какой-то ерунды (вот придумали, что эта пуговица — мама, а эта пуговица — бабушка, и всем радостно) — вот это труд колоссальный.

За него никто не привык у нас с вами отвечать, за него не спросят, за него

не принято благодарить, им не отчитаешься. И чем сложнее становится вокруг, тем сложнее «способы сообщения», тем труднее ваша задача.

Итак, первый момент жизни воспитателя — это такое «я», такое ощущение своей личности, которое не утратило способность к эмоциональному взлёту. (А при этом мы видим, что главная характеристика современности — это эмоциональная обеднённость и у детей, и у взрослых, особенно у мужчин).

Второй — это умение находиться в точке боли и радости одновременно, умение переключаться и иметь силы на это переключение.

Третий — это наличие неразмытой ответственности.

Роскошь неразмытой ответственности

Что сейчас особенно бросается в глаза? Никто ни за что не отвечает, ответственность расплыва, каждому есть на кого кивнуть... и есть редкие профессии, где ещё сохраняется личностная ответственность: педагогика, медицина, отчасти творческие специальности. Там часто встретишь порядочного человека, которому свою ношу нести очень тяжёло.

Если человек лично ни за что не отвечает, то это разъедает его душу.

Некоторое время назад прошёл замечательный конгресс с печальным названием «Первый конгресс по детской социологии и психиатрии». На нём говорилось о том, что если человек остаётся без смысла внутри, если у него нет дела, за которое он отвечает, он бесконечно устаёт. Ему в глубине души непонятно, зачем всё это.

Человек, утративший смысл, совершенно иначе переносит все трудности. Оказывается, отсутствие смысла приводит колоссальное количество людей к психическим сдвигам.

Педагог сейчас — это удивительный человек, который тянет на себе ответственность за ребёнка и за детство как таковое. Мы можем сколько угодно говорить, как педагогу тяжёло, как нам всем плохо, но если посмотреть на людей, про-

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ

должающих жить со смыслом, то им часто не легче. А если смотреть на остальных — то их часто становится жалко.

Получается, что мы — очень небольшая группа людей, которой достаётся невероятная роскошь жизни, где можно обойтись без душевной неряшливости, ощутить, что душа твоя сбылась.

Вот почему я хотела бы назвать наш семинар «Выращиванием смыслов». Ощущение смысла, конечно, не панацея, и человек, обладающий смыслом, иногда просто теряет силу. Но к нам силы чаще возвращаются, чем к другим.

Открытость к другим и бережность к себе

Я знакома с одним психотерапевтом в Москве, ведущим замечательные мастер-классы; у него есть для нас с вами важнейший урок. Он говорит, что наша специальность тем и замечательна, что в нашем общении с детьми — постоянное лечение, постоянная психотерапия.

Если ты открыт и общаешься искренне, то собеседник твой тоже становится открытым, и он тебе отдаёт душевную энергию и начинается взаимное выздоровление.

Если у человека есть смысл деятельности и он приходит к ребёнку (причём это может быть ребёнок любого возраста), то зачастую он может прийти совершенно уставшим на занятие, а выйти с него отдохнувшим.

Как пояснить, что такое подлинное отношение, а что нет... Вот мне подарили камень, агат. Есть у меня схожая пластмассовая штука, примерно такого же объёма. Я детей прошу взять и погреть пластмассу. Они стараются, но пластмасса не нагревается. А как только ты передаёшь подлинную вещь, она нагревается от руки.

Получается, что мы с вами — те люди, которые сохраняют на этой Земле возможность духовного кровообращения, обмена душевных сил.

«Я» воспитателя получает подпитку для того, чтобы вырастить в себе смыслы. Наше с вами «я» может брать на себя грузы, которые не каждый современный человек может себе позволить.

Ещё мне нужно будет рассказать о чувстве взаимопомощи, чувстве локтя; и рассказать это будет очень тяжёло; реальнее — показать, увидеть на деталях...

Кстати, говорят, что открытость педагогического сообщества можно определить по двум показателям: первое — как сообщество встречает незнакомого человека, а второе — насколько по-детски искренне и серьёзно оно воспринимает любое задание.

То, чего раньше не делали

Одна из любимых моих гипотез — гипотеза культурного соуса. Когда детям близкие люди тихонько называют какие-то вещи, имена, фамилии, какие-то стихи читают, вовсе даже детям непонятные...

Место этому культурному соусу в отношениях домашних, но часто получается, что вы вольно или невольно приносите с собой заменитель дома.

Ведь то, что вы сейчас делаете, раньше не делали. Всё-таки человеческая культура родителей была гораздо выше. Сейчас я вижу мамочек и папочек, которые не знают элементарных вещей, не знают, например, что дети устают.

Психиатры сформулировали такую проблему: появилось поколение детей, на которых молодые мамочки не смотрели, когда они их кормили. Они в это время занимались чем-то, читали, ругались с кем-то, смотрели телевизор. И это совершенно особые дети.

То есть очень большое число родителей не обладает родительскими установками.

Получается, что вы тянете на себе то, чего нет дома. Вы отдаёте себя на работе так же, как в семье, у вас возникает двойная отдача душевной энергии. Если вы не будете её восполнять, то жизнь ваша станет невозможна. Скажите об этом и своим родным...

Из-за того, что родители ослаблены, воспитатель несёт на себе не только педагогическую нагрузку, но оказывается в роли духовной мамы.

Я попробую сейчас объясниться... Ко мне на занятие пришёл мальчик 11 лет (хотя остальные участники занятий — студенты), из элитной школы, но с фингалом. Он потрясающий, но он никуда не вписывается, ни в какие рамки. Если вы на него смотрите как педагог — то это сущее наказание; если же на него посмотреть глазами духовной мамы — то будет совершенно другая оценка.

Лишь только я начинаю смотреть с этой точки зрения — не насколько ребёнок в чём-то отстаёт, а насколько необычны его возможности как родного мне человека, — то вижу перед собой что-то совершенно восхитительное...

Соединение праздничности и ежедневности

Меня порой спрашивают: «А какое направление у колледжа в Волгограде, где Вы в прошлый раз вели занятия?» А я никогда не знаю. Мне абсолютно всё равно, на что идёт ориентация данного колледжа. Мне важен человек, взрослый и маленький. Ведь быстрота такая на Земле, возможно, никому никакие «ориентации» не пригодятся, а всем придётся думать об экологии нашей страны, о её человеческом облике.

Никто не знает, что пригодится конкретному маленькому человеку в жизни. Важны

не сами навыки и умения — важно, какая вариабельность заложена в навыке, какая человечность, какая уверенность в себе возникает в этом ребёнке, осваивающем навык.

И всё-таки как всё это выдержать, эту открытость, искренность, это двойное материнство, что можно изменить для этого?

На мой взгляд, вот что является одной из самых главных вещей, облегчающих наш труд, — воссоединение праздничного и каждодневного.

Я привезла на встречу несколько книг. Одна из них — это книга М.Н. Эпштейна, философа, мне так и хочется сказать, «автора» четырёх детей. Потому что он родил четырёх детей и занимался ими как творчеством. Он пишет гениальные вещи о том, что такое отцовство.

Он пишет, между прочим, и такое. В детстве он обварился кипятком, на него что-то падало и т.д., но он ничего этого не помнит. Но то, что случается каждодневно, что ближе и привычнее, то и запоминается. Вдруг ты посмотришь на всё это как бы издалека, впервые осознанным взглядом, и у тебя наступает постепенное пробуждение каждодневности.

Наш семинар хотелось бы назвать и так: «Постепенное пробуждение каждодневности».

Наблюдая, я однажды поняла проблему того, что у нас не получается в детских садах. Мы отделяем праздники и образовательные навыки. Мы очищаем праздник от всех бытовых деталей, а ежедневный быт наполняем формализованными образовательными задачами. Получается, что и у нас, и у ребёнка возникает разрыв между интересным и бытовым.

Как только разрыв между ежедневным и интересным, праздничным углубляется, то день ребёнка начинает упрощаться, ему становится скучно. Этот ребёнок, вырастая, не умеет делать подарки, он не умеет делать интересное из пустяковых мелочей, он не умеет строить свои праздники.

Я думаю, что дети 8–9-го класса так убого оформляют свой отдых, что это где-то идёт отсюда, нет органики, понимания чудодействия праздника.

Ключи к пространству отношений

Поэтому давайте попробуем пойти по этому пути — соединения праздничности и ежедневности. Начинается он (мне кажется) с ощущения того, как называется на формировании человека одухотворённость окружающих его вещей.

У детей сейчас одинаковые игрушки — то из яйца, то из ларька, то из чупа-чупса. Вроде бы всё разное, но оно одинаковое, всё крутится в одном потоке. Как только я приношу какие-то старые бытовые предметы, дети жадно начинают их ощупывать; современный домашний ребёнок приобретает признаки детдомовцев, которые испытывают постоянный сильный голод по каким-то «живым», старинным, интересным вещам.

А вокруг — в комнатах, на улицах, в детских садах — всё меньше уникальных предметов, деталей, на которых можно остановить взгляд. Распределённость пространства становится мейнстримом.

Но как только пространство распределяется, человек расчеловечивается.

У нас есть ещё одна беда, хорошо знакомая детским садам, которую можно назвать зудом чистоты, неврозом чистоты. От него, например, происходит негласное свёртывание программ всех видов рукоделий, всех видов ручного творчества ребёнка, которые могут мешать псевдопредставлениям о чистоте, о престижности.

Но вымывание насыщенной предметной и деятельной среды — это и означает на самом деле сворачивание воспитательных программ, вымывание дошкольного воспитания из дошкольных учреждений.

Теперь эта престижность пустоты-чистоты перекидывается в семьи. Папы (особенно из обеспеченных семей) приходят вечером домой и недовольно проверяют (как эпидемстанция) чистоту в комнатах.

Есть множество детей, которым дома ничего не разрешают ни трогать, ни пилить, ни разворачивать сколько-нибудь активную деятельность с предметами.

Вся программа жизни свёрнута, и получается, что детям неинтересно жить.

Сейчас растёт огромное количество детишек пяти-шести лет, которые, вставая утром, уже ничего не хотят. Такого, говорят наши врач-психоневрологи, не было никогда. Даже в самые тяжёлые годы во время войны, во время разрухи у детей была ровесническая возрастная горизонталь общения, где они сами пополняли друг друга объектами игры, теми символическими предметами, на которых мирозданием возложена роль необходимых «третьих участников» нашего общения.

Талисман из одного ожерелья

Мне очень повезло в жизни: мы долгие годы со своими студентами приезжали в детдом слепоглухонемых детей в Загорске. Там считается, что очеловечивание идёт через несколько вещей. И первое — это через предмет, осязаемый, тактильно познаваемый и как-то представляющий культуру человечества. Например, привезли слепоглухонемого ребёнка, который у себя в Казахстане пил только чай. Рядом с ним садится педагог и сотни раз даёт компот, даёт кефир, потом чай, тот хватается чай... и с этого начинается его путь к человеческому общению. Другой ребёнок идёт через овечку или собаку, его подводят к живой собачке, он её гладит, ему говорят о ней... И идёт очеловечивание.

Получается, что одухотворённый предмет может служить средоточием того совершенно удивительного языка, который необходим ребёнку для постижения себя и мира.

Но предметы у нас удаляются от детских рук, мы забываем, что, если дать детям даже простейшие пуговицы, они зачастую тут же

сыграют в какую-нибудь совсем неожиданную для нас игру...

...Ежегодно мы ездим в своеобразные летние лагеря — мы их называем художественными дачами. Ездят от 60 до 100 человек. Однажды мы были в горах, а как-то умудрились поехать на Украину. Везут детей в основном наши клубовские студенты и старшеклассники, из «совсем взрослых» иной раз бывают только я и врач.

И я увидела, что у нас образовалась на земле группа молодёжи, которая обладает отцовской, материнской направленностью, хотя у них самих детей ещё нет. Ведь и наш проект с психотерапевтами опирается на волонтеров из пединститута, организационно он выглядит нерационально, но он действует.

В прошедшем году наш лагерь назывался «Янтарная черепаха». Детей встречало 100 черепашек, каждому досталась своя, и в каждой черепахе было две дырочки. Все спрашивали: «А зачем дырочки?» А мы купили янтарное ожерелье и за день до отъезда каждому ребёнку в его черепаху, с которой он уже сжился за время лагеря, прикрепили янтарь. И все ходили, сияли на солнце, и было видно, как они изменились, превратившись в янтарных черепашек.

Летние Художественные Дачи

Что это за жанр? Как он воплощался у их создателя? Рассказывают участники-организаторы многих художественных дач, ученики Т.В. Бабушкиной Виолетта Хрящева и Тимофей Сырый, Ростов-на-Дону.

Время и пространство вместо «режима дня»

Для нас ключевая проблема написать про «художественные дачи ТиВи» в том, что невозможно даже составить план, чётко отделить театрализацию от празднования дня

рождения, а «гостевание» от свободного режима дня — настолько одно цепляется за другое.

В традиционном лагере ребёнок нормирован весь день, у него во столько-то «поход на море», перед тем «построение», «зарядка», «завтрак»... А здесь перед нами свободное время и пространство проживания, в которых намечены точки, где ребёнок может участвовать, а может и не участвовать: он может пойти на завтрак, а может не пойти, может пойти спать, а может не пойти и сидеть у костра всю ночь. Каждый день у нас есть завтрак, у нас есть обед, есть поход на речку, вечерний костёр, театрализация... — только участие каждого ребёнка не обязательно, а по его желанию.

Закономерный вопрос: что, если ребёнок не включается? И закономерный ответ. Есть дети, которые включаются невидимым образом: одни просто наблюдают, другим важно быть в этой атмосфере, которая одна уже всё меняет. Идёт театрализация, а дети нашли какого-нибудь жука, который им сейчас важен, и не надо отрывать их от этого жука и гнать в театр, даже зрителями.

В традиционном лагере такое невозможно, там тебя «участвуют» независимо от твоего желания.

Но свобода не бывает наполовину, как не бывает осетрина второй свежести. В этом смысле полусвободный режим ещё хуже, чем несвободный. Потому что где границы в этом «полу-»?

У Тивиши было как-то так: если ребёнок хочет идти на речку, он подходит к взрослому, берёт его за руку, и взрослый не может ему отказать.

Привычные «режимы» завязаны на социальном страхе. В обществе есть представление, что ребёнок слабый, многого не знает и с ним обязательно должно что-то случиться, и обязательно что-то плохое. Недоверие к ребёнку живёт во взрослых и управляет их действиями по отношению к детям. И действительно: если такой взрослый, постоянно сжимая, как пружину, инициативу и желания ребёнка, внезапно его отпускает — пружина выстреливает, и с ребёнком обязательно что-то происходит. Много раз я это наблюдал. Как только ты отпустил ребёнка и веришь, что всё будет нормально — всё нормально.

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ

Когда я был вожатым, ко мне подходили дети с просьбой отпустить их в тихий час на речку. Я понимал, что если я им запрещу — всё равно пойдут на речку, только это будет напряг. А так я говорил им: хорошо. Но мы договаривались, куда они пойдут и когда вернутся. И им было приятно, что я им доверяю, и я мог не волноваться.

Границы песочницы

Границы песочницы — это её выражение. Очень редко и в крайних случаях Бабушкина говорила: «В моей песочнице так не играют». Точно так же, только в крайних случаях, она могла признать: «Этот ребёнок не мой ребёнок. Я его не возьму в следующий лагерь», когда понимала, что ей не удаётся этому ребёнку помочь.

Наверное, иначе не может быть, потому что она была человеком, и возможности её были не безграничны. Но границы — не главное, была бы песочница классная, просторная, в которой всем хватает места и интересно играть.

Обсуждая границы, нельзя забывать, что всё это очень подвижное, тонкое. Всё «живое — немножко кривое», — любила повторять Тиви. И не только немножко кривое, но оно меняется, постоянно развивается, не имеет чётких очертаний. И правила, по которым оно живёт, тоже могут меняться.

И понятно, что крайне важны отношения

Меня всегда потрясало её отношение к детям, к людям. Я же попала к Тивише из советской системы, мой дедушка много лет был директором пионерского лагеря, я там выросла. И я привыкла воспринимать «квадратные» законы этой системы: что, если все пошли работать, а кто-то спит — надо обязательно его поднять...

В Танаисе, на биостанции, была столовая. И я как-то прошу ребят поставить там столы. Они не слушают. Я начинаю на них кричать. Вдруг заходит Тивиша, говорит: «У нас тут так не принято. Давай узнаем, чего они хотят». Они говорят: «Мы хотим пойти попить». Я понимаю, что они просто хотят улизнуть. Тивиша говорит мне: «Вета, ты сделай такой жест, принеси им воды». Это было так мудро! В результате ребята поставили столы. Этот был для меня такой момент волшебного преобразования, когда люди открывались, и когда атмосфера становилась такой тонкой, звенящей и лечебной для всех. Даже люди, которые от чего-то испытывали внутренний дискомфорт, потом с таким светом обо всём вспоминали.

Мне очень помогли в жизни её слова: «В любви часть больше целого». Неписанным законом в лагере было именно это уважение к частичкам. Иначе целого не получалось. Много внимания она уделяла тому, как взрослый обращается к ребёнку. Очень много хвалили: за самую малость она хвалила. Она подмечала очень тонкие моменты. Ребёнок стоял на раскопе, на солнце, и Тивиша сказала ему, что в том, как он стоит, она увидела такую львиную грациозность... Это был закон её лагеря — каждого погладить.

Что там происходит?

Что значит «лагерь», «художественная дача»?

Тивиша как-то сказала, что в лагере у неё повторялось всего две вещи: «Цирк» и «Базар». Все остальные жанры возникали каждый раз другие.

До 1997 г. летние дачи проводились чаще всего в Танаисе (рядом с музеем античного города), и все жили в домиках на биостанции.

Центральной вещью было то, что каждый ребёнок мог себя выразить, мог найти для этого и средства, и место, и время. На фоне того, что мог и не выражать, — просто там были

созданы условия для любого его самопроявления. Ребёнок в этих условиях мог просто жить. Именно наличие свободы создавало там территорию Детства, но создавалась она трудом взрослых. Которые, так или иначе, были вынуждены себя останавливать, чтобы не помешать ребёнку, учиться прислушиваться к детям. Лечебным было и то, что много хвалили, причём за то, за что обычно не хвалят. Польза была всем: и детям, получавшим свободу самовыражения, и взрослым, учащимся вслушиваться в себя и в детей.

...Татьяна Викторовна была человеком, обладающим удивительным вкусом и чувством стиля. Многие разрозненные и хаотические для других вещи отливались для неё в только ей видимое целое, которое потом — как целое — становилось доступным и понятным другим.

Образ лагеря всегда появлялся задолго до всех обсуждений и приготовлений, и тема лагеря и его название рождались из этого образа. Именно рождались, она не придумывала их. Отправным толчком мог быть какой-то предмет (шляпа, колокольчик), на первый взгляд случайный, но имеющий свою культурную нажитость, обросший разными смыслами и лично для неё значимый. И тогда у неё возникал целый образ того, как может этот предмет, подобно центру паутины, связать все события предстоящего лагеря.

Хотя не все события могут быть так связаны с этим «центром». В «Собирающих облаках» был день индейца, никак вроде бы с главной темой не связанный, а конкретно собирающим облакам был посвящён только один вечер. Но тем не менее этот лагерь стилистически складывался очень целостно, словно по художественным законам.

Что предшествует лагерю

Выбор места лагеря (образ места). Выбор названия. Постигание места. Более кочевые и более оседлые лагеря...

Для Татьяны Викторовны ещё важнее был человек, хозяин места. Будь это В.Ф. Чеснок, Волошин или А.И. Шевченко (создатель музея народной архитектуры и детского творчества в селе Прелестное). И место всегда было связано с темой лагеря. (Вот в Мезмае мы попали в дикие горные условия, и тема первобытной жизни стала основной; а ощущение простора в Старочеркасске отозвалось названием «Собирающие облака»).

Имя места и образ человека-хранителя были ключевыми: потому что изначально художественные дачи создавались в противовес повсеместному обезличиванию: в противовес тому, когда детей везут в пионерский лагерь просто как в «зону отдыха», стандартизированную, безличную и за забором.

Импровизированные «семьи» летних дач

Традиция «семей», «пап-мам» началась ещё, видимо, с конца 1980-х. В какой то момент дети сами стали называть старших взрослых — в том числе студентов и старшеклассников — в лагере папа и мама, видимо, им этого не хватало. И потом стало привычным, что четверо-пятеро-шестеро детей и пару таких «взрослых» на время художественной дачи превращались в «семью».

К такой «семье» Тивиша относилась совсем не так простодушно, как мы, их участники. Она не раз говорила, как важно взрослым подросткам побыть в лагере папами и мамами, чтобы будущее материнство и отцовство в них укреплялось и вырастало. Целью семей в лагере было воспитание будущих родителей.

Тивиша поняла, что обычные семьи редко могут выполнить задачу выращивания будущих родителей, и забота эта ложится на педагогов, понимающих детство и живущих в нём.

Правила полезны, но важнее сопереживание

Когда мы ставим ограничение в виде закона, то это не может иметь педагогического эффекта. Ребёнок либо начнёт притворяться послушным и продолжит делать то же втихаря, либо под-

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ

чинится, но потеряет ощущение свободы, которым его заманили сюда из города.

Это была самая характерная педагогическая черта Татьяны Викторовны — умение принять ребёнка таким, какой он есть.

Она глядела на каждого ребёнка как бы через увеличительное стекло, в котором возрастали его достоинства и уменьшались его недостатки. Проходило время, и под воздействием этого окуляра ребёнок начинал меняться. Она произносила вещи, которые нам поначалу даже казались странными: «Ах, вы посмотрите, сегодня Дима помыл посуду!». Действительно, для нас это нормально, но для Димы, который никогда не мыл дома посуду и вообще ничего не делал, это серьёзный скачок.

Такое всепринятие физически было для Тивиши очень трудно, потому что она, как почки, пропускала каждого через себя, отфильтровывая его недостатки. И после каждого лагеря ей приходилось какое-то время восстанавливаться. Но это было её кредо, её крест, добровольно взятый на себя.

Эхо «уроков фантазии»

Помню, как мы ездили с Тивишей в разные школьные классы и детские сады с её «уроками фантазии», с театром овощей и т.п. (этому посвящён большой раздел в её книге); в 1990-е ещё почти не было проблем, детей надо было только завести, и они начинали придумывать. Со временем становилось всё труднее. Но в детях фантазия и способность к игре есть, только она спит очень глубоко, заваленная сверху мультфильмами, разным информационным сором.

И даже «тивишинские» театрализации и фантазирования, которые раньше шли «на ура», теперь очень трудно запускать... У детей своего рода «фантазийная дистрофия». Современным детям всё труднее организовать игру.

...Об этом Татьяна Викторовна писала в известной своей статье, что беда наших подростков в том, что окружающие их взрослые — сами подростки. Есть такое понятие «упущенное поколение», взрослые подростки. Это поколение, не умеющее играть с детьми, не умеющее с ними общаться.

Я думаю, что цель её уроков фантазии и праздников — это сохранение Детства, детскости и прежде всего игры.

У Тивиши был необыкновенный дар — говорить глубокие философские вещи детским языком, чтобы это было понятно детям. О времени, о росте, о каких-то изменениях внутренних, о любви.

Она верила в духовные вещи, и подчинялась духовным законам. И даже когда она волновалась, то доверялась при этом чему-то большему. И это всё предшествовало лагерю и собиралось в нём в конечном итоге.

Лагерь для Тивиши был такой точкой, где она собирала любимых людей. При этом всегда были и новые люди, но как-то ею лично узнанные. Иногда даже встретившиеся просто на улице. В это она и верила: если человек пришёл, то он не случаен.

«Черепашата» — особые дети в лагере

Впрочем, когда в жизни нашего клуба появились особые дети и стали ездить со всеми в лагерь, то некоторым желающим приходилось отказывать, просто поскольку мы пони-

мали, что не потянем всех сразу. И при этом родители нам важны были не меньше детей. Ведь у родителей особых детей нет возможности даже друг с другом общаться, поделиться мыслями, впечатлениями.

На особых детей, в отличие от подростков, социум воздействует мало. Из-за их особенности. Их поведение кажется странным, необычным, они делают то, что не принято. Они могут плевать и кричать в общественном месте, имея при этом возраст 13–14 лет. «Какой ужас!», — реагирует на это социум. А человек, способный работать с этими детьми, должен реагировать (внутренне!) иначе: «О, классно! О, хорошо!». Когда мама ребёнка учится такому приятию, учится нормальному отношению к своему ребёнку и всем его проявлениям, это получается лечебно. В лагере у Тивиши всегда было такое приятие (это получилось и в лагерях, которые мы организовывали уже без неё). Так что родители особых детей не чувствовали свою отчуждённость.

Конечно, не нужно пытаться делать «именно такие лагеря, как это было у Татьяны Викторовны». Нужно делать свои лагеря, рождать их из своего внутреннего материала, из того, что хочется сделать и с теми, с кем хочется. Счастливое время можно создать где угодно, с любыми детьми. Дело в принципах, положенных в основу (а их не так много), и в том, как их воплощают создатели такой художественной дачи для детей и взрослых всех возрастов. **НО**

About Tatyana Babushkina, Her Ideas, The Club And Summer Art Dachas

Andrey S. Rusakov, Director of the Publishing House «Educational Projects», St. Petersburg,
e-mail: rusakovandrey5@gmail.com

Violetta Yu. Khryashchyova, history teacher, Waldorf teacher, teacher of the New Opportunities club for children with disabilities, Rostov-on-Don

Timofey A. Syry, teacher, poet, actor, organizer of summer art summer cottages, Rostov-on-Don

Abstract: Theatricalizations, fantasy lessons and holidays under the direction of T.V. Babushkina as an integral part of summer art dachas. Creation of conditions for any self-manifestation of the child.

Keywords: summer art dacha, personal responsibility of the teacher, the meaning of the activity.